

Вячеслав МЕДУШЕВСКИЙ

КАК РАСКРЫТЬ КРАСОТУ ЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ИНЫХ КУЛЬТУР?

Медушевский Вячеслав - доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств России, профессор теоретико-композиторского факультета Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского.

После лекции о сущности музыки один из слушателей — учителей школы — сказал: «То, что я сейчас Вам открою, перечеркнет все сказанное: большинство учеников в моем классе принадлежит к культурам, сформированным иной, не христианской верой».

Я ответил: «И что из того? Говорить о небесной красоте музыки с китайцами, корейцами и японцами сейчас проще, чем с русскими (не всеми, конечно). Устои жизни, хранимые верой, пусть и не богооткровенной, делают носителей этих культур живыми людьми, жаждущими света, в то время как цинизм безбожия, растлевающая страну, умерщвляет и ее жителей».

Но преподавание музыки в многокультурной аудитории имеет особенности и ставит вопрос о языке общения. Он не может быть одинаковым (как об этом писал свт. Василий Великий) в общении со своими по вере и с внешними. Апостол Павел сравнивал людей, не восшедших в полноту веры, с грудными младенцами, которые не способны питаться твердой пищей — подавятся, а только словесным молоком.

Сама ж педагогика («детоводительство» ко Христу, как это слово впервые употребил апостол Павел) не вправе оставаться младенческой. Она четко должна различать в своем учении два аспекта: то, как оно есть, и то, как это преподнести. Так поступим и мы.

Как оно есть?

Первый факт связан с небывалой, ни с чем не сравнимой красотой музыки христианской цивилизации, которой открыл сердце весь мир. Шедевры Баха, Моцарта, Чайковского, Рахманинова и иных гениев составили содержание музыкальной жизни человечества, определили репертуар музыкальных конкурсов, фестивалей, инструментарий, состав оркестров, преподавание музыки во всех странах мира. Высота классической музыки раскрыла красоту национальных культур человечества в его прошлом, настоящем и будущем.

Язычник Цензорин писал в 238 году: «Души людей — божественные (хоть против кричит Эпикур) — природу свою познают в песнях». Откуда это влечение язычников к познанию божественного начала в своих душах? «Всякая душа христианка», — отвечал Тертуллиан. Такой она сотворена. Уже от рождения она тайно знает Христа — потому готова и явно узнать его, если живет чисто («когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то... они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую — Рим. 2:14-15).

Народы, отпав от первоначального откровения, забывали Бога. А Он их не забыл. Незримыми путями вел, ведет и приведет — достойных в этих народах — в Царствие Свое: «Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков, как написано: Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие» (Деян. 15:14-17).

Извращенная законниками и фарисеями скиния веры была восстановлена Христом, к пришествию Которого готовило мир Писание. Пришло время исполниться пророчествам: народы начали узнавать Того, Кого тайно знала их душа.

Показательна судьба языческой культуры: она не погибла, а дивно была переосмыслена.

Как ни парадоксально это звучит, но беломраморная языческая Греция есть порождение богооткровенной христианской веры: время смыло краски с некогда раскрашенных мраморных статуй, чистота христианской веры убелила дух (по сказанному: “для чистых все чисто” — Тит. 1:15). Красоту ее храмов с их безмолвной гармонией пропорций, мы видим чисто, никак не связывая ее с жестокостью религии, с кровавым блеском и оглушительным ревом пламени, пожирившем свои жертвы (Пифагор в знак благодарности за открытый ему математический закон принес в жертву 500 быков). А были

ведь и человеческие жертвы — даже в век Перикла, во времена расцвета греческой культуры!

О таинственной перемене восприятия вдохновенно возвестил Тертуллиан: «Новая благодать Божия все плотское переменяла на духовное, отерши <...> Евангелием своим всю древность как бы губкою».

Она чудесным образом обновила и музыкальный слух: очистила и возвысила его. Со слухом произошло то же, что с раскрашенными идолами и забрызганными человеческой кровью храмами: он стал слышать чисто и вдохновенно.

Вот простой опыт, доказывающий это. Взглянем на греческую песенку времен эллинизма (второй век по Р.Х.), «Сколию» Сейкиля:

Можем ли мы эту изящную светлую мелодию, вдохновенно распеваящую начальную интонацию, привести в согласие с легкомыслием текста: пируй, наслаждайся, покуда жив? Это невозможно в силу презумпции чистоты и духовной высоты, заложенной в основание слуха христианской цивилизации. Небесная интонация, услышанная святыми отцами, вылилась в новые требования к богослужебному пению, а со временем породила и шедевры светской музыки. Богооткровенная красота напоила благоуханием все стороны музыкального языка: смысл мелодических линий, метр, ладовую организацию, интервалы. Светлейшая квинта в высокой тесситуре голоса, с которой начинается песенка, — как вдох прозрачной чистоты. Ее светлая приподнятость держит в небесной невесомости и весь напев. Может ли наше ухо забыть, вычеркнуть из своего опыта эту радость Неба, которую она вписала в себя через множество гениальных мелодий христианской цивилизации? А метр, с чудесным окончанием на арсисе слабой, как мы теперь говорим, доли, поднимающей душу ввысь? Но прежде всего в музыке христианской цивилизации изменился ее тон. Звук заключил в себе новое, просветленное Христом, жизнеощущение.

Идеал ангелогласного пения пропитал собою и все инструменты. Пример того — молитвенный секрет Страдивари. Вытачивая на внутренней стороне нижней деки едва

заметное барельефное изображение Богородицы с Младенцем, величайший скрипичный мастер ловил отклик деки, и, как только слышал в нем пение ангельского хора, знал, что чудо уже вошло в будущую скрипку.¹ Это чудо современная ополчившаяся цивилизация воспроизвести не может при всей мощи ее науки и техники, компьютерных расчетов и нанотехнологий. Микроструктура древесины, как и все конкретное в бытии (при единстве общих законов), абсолютно уникальна. Из этой-то уникальности и нужно вырастить скрипку, которая запоет ангельским голосом. Сам по себе человек на это не способен. Способна только благодать Божия, действующая через гениальный духовный слух мастера, способный уловить ее веяния (всякий ли человек слышал пение ангелов?). На скрипке, сладостно воспевающей небесную отчизну, — как выразить презрение к ней? Невозможно это и на фортепиано, клавесине, органе, невозможно в традиции бельканто, выросшего из антелогласного пения церкви, ни в теплой сердечной манере романтического пения. Чтобы снизить высоту благородного восприятия мелодии, нужно слухом выйти за пределы христианской традиции. Такую перестройку слуха уже осуществила попса. Композитор В. Гаврилин (†1999) вопрошал: почему «уголовная манера пения (Высоцкий, Пугачева)» с ее «блатнячьей красотой», с ее «расхлыстанностью» и «грубой чувственностью» стала такой популярной? Потому, отвечал он, что большая часть сегодняшнего населения России — потенциальные или активные воры.² Воспитанному попсой уголовному слуху оземляненное прочтение древней песенки дастся уже с легкостью, ибо современное антихристианское сатаническое неоязычество пало ниже язычества древнего, ожидавшего Христа.

Второй факт связан с нерушимыми духовными законами истории. Христос указал на ее фундаментальную неоднородность: она есть поле, на котором одновременно произрастают пшеница и плевелы. К концу истории истина Евангелия окончательно разделит их во всем мире. Тогда после Второго пришествия Христа и всемирного суда история как школа воспитания человечества окончится, и ее выпускники поступят в вечный рай или ад.

---

¹ Сведение сообщено скрипичным мастером Д.В.Яровым, родившимся в Италии и получившим там свою специальность. Излагая этот секрет, переданный по линии ученической преемственности, Денис Владимирович сказал: «Я подумал: при чем здесь Богородица? Все дело в некотором утолщении деки в форме буквы Z». Это свое открытие, подтвержденное множеством экспериментов, советский мастер изложил на одной из Всесоюзных акустических конференций, попросив у меня письменное свидетельство, что в его сообщении не содержится государственной тайны. Все же лучше звучащие с Z-образными утолщениями скрипки не идут ни в какое сравнение с божественными шедеврами Страдивари.

² Валерий Гаврилин. «О музыке и не только...» (Отрывки из книги) "Наш современник" N1, 2002.

«Законы обнажаются, когда нарушаются», — писал Сталин, получивший начальное богословское образование.

Сохранилась ли в истории хоть одна страна, которая растлилась и после предварительных наказаний не исправилась? Таких стран и народов мы не знаем.

История свидетельствует: деморализация в обществах, государствах и цивилизациях влечет за собой демографический коллапс, деградацию экономики, ослабление военной мощи и торжество соседей, сохранивших дух бодренной жизни.

Ярчайший пример — сокрушительное падение сказочно непобедимой Римской империи, безраздельно господствовавшей в тогдашнем однополярном мире. Дешевые деньги за счет завоеванных стран разлагали общество, вызывая патологию роскоши и погоню за богатствами одних и зависть других. Тысячи безработных требовали дарового хлеба и зрелищ; правители тешили плебс кровавыми забавами в цирках, тогдашних СМИ, чтоб избежать социальных потрясений. От разврата, давшего безлюдье городам, в Империи зачахло производство. Сверкающая сталь азиатского оружия приводила в трепет римских солдат, воевавших железом и дешевой бронзой. Возвращенные удовольствиями, они не желали воевать. Деморализованные легионы теряли боевой дух. Их сменила наемная армия из варваров. Тщетно военный теоретик Вегетий протестовал против приватизации и варваризации армии, возводившей на трон своих по крови императоров. Засилье варваров в Империи сменило моду: римские правители, отринув величественную тогу, влезли в кельтско-германские брюки (bracae). Ожесточились отношения между коренным и пришлым населением, ведшим себя крайне нагло (а как им было иначе, нежели с презрением, отнестись к римскому цинизму, разврату и тотальной коррупции?). Внутри и за пределами Империи варварские народы, которым было суждено принять христианство из рук Восточной Церкви, стремительно множились в числе. Наконец, разложившаяся Империя была сметена с лица земли великим переселением народов. Вождь варваров-наемников ругиец Одоакр, захватив трон в 475 году, отказался от императорского титула, сославшись на то, что сами италийцы и римский сенат считают существование самостоятельной Империи на Западе ненужным. Как сказали бы коммунисты, конец Римской империи настал «по желанию трудящихся».

Глухое беспокойство ныне в людях Севера, ибо чувствуют: не вечно попирают им законы правды. Платить по счетам придется. Страдания плодотворны. Без них трудно народам-детоубийцам с измененной психикой покаяться, вернувшись к богоответственной жизни.

Предчувствиями полнится культура нашего времени, начиная от философов (Шпенглера, Хантингтона и иных) до музыкантов.³

Но полное исчезновение европейской цивилизации не фатально неизбежно, ибо человеку, народам и цивилизациям, как и всему человечеству, дан шанс покаяния и исправления. Он зависит от нас, что делает каждого человека, преподавателя и учащегося, лично ответственным за судьбу страны и мира.

Восстание из хаоса начинается с просияния духовно-нравственной сердцевины жизни, осветляющей все её частности от экономики до политики. Таким чудесным способом Русь после специального покаянного поста выскользнула из смертельной удавки Смутного времени. Так победила она в Великой отечественной войне (вспомним пронзительное обращение Сталина к народу на церковном языке: братья и сестры; открытие церквей, разрешение богослужений и иное). И ныне нужно понять: здоровое поколение, способное духовно и материально поднять страну, рождается не от денег и пособий детоненавистникам, а от жертвенной любви к детям, а она — духовного корня.

Великая музыка не бесполезна: живым укором, тревожа совесть, стоит она пред людьми. Пока желанья музыкальной чистоты нет, — в ходу звуки эгоизма, хамства, лукавства.

Большая вина здесь педагогов музыки, дезертировавших с поля боя (ведь утверждение добра в обществе без подвига и мужественного снесения насмешек не дается). Тем важнее вернуться на делание свое. Ибо воспитание поколений — единственное наше дело на земле.

Третий факт, центральный в общении учителя и аудитории, — само духовное устройство музыки, в аспектах содержания и формы, в мириадах деталей — в каждой из них — дающее голографическое изображение сути христианской веры, о чем нам приходилось писать во многих работах.

Теперь о втором аспекте педагогической теории: **как христианскую сущность музыки европейской цивилизации изложить представителям иных культур?**

---

³ О грядущей катастрофе музыки писал Н.А.Римский-Корсаков. Первые сочинения своего ученика Стравинского характеризовал: «Выкрутасы-с». Выкрутасы все более заполняли XX век. В 1951 году А.Онеггер писал: «Я довольно ясно предчувствую близкий конец нашей цивилизации. Нас подстерегает декаданс, и мы уже сейчас ему подвластны... Боюсь, не улетучилась бы первой музыка? Чем дальше, тем больше она уклоняется в сторону от своего назначения... Куда исчезла торжественная сосредоточенность, которой надлежало сопутствовать ее проявлениям?» (А.Онеггер. О музыкальном искусстве. Л., 1985).

Главное здесь — говорить не о вере, а о музыке. Музыка должна быть абсолютным центром, а вера может привлекаться только как объяснительный принцип.

Но можно ли утаить главное — небесный источник несравненной красоты музыки? Ведь это было бы клеветой? Конечно! Но говорить о небесном источнике красоты можно вполне тактично.

Объективная предпосылка тактичности заключена в том, что христианская вера ни в малейшей мере не отрицает того света, который просвечивал и в иных религиях. Напротив — она его утверждает! Утверждает тем, что открывает превосходнейшее. Разве можно отказать в гениальности древнегреческому языку, который понимал Логос (слово) не как наше слово, познающее и общающееся, а как разлитое в мире и несущее свет разумения людям?! О, если бы нынешняя поглупевшая цивилизация вернулась хотя бы к такому онтологизму понимания мира!

Чего не доставало древнегреческому логосу до совершенства? Как может он возвышать и просвещать человека, если он ниже его? Имеет ли Логос самосознание, как имеет человек? Понимает ли логос сам, чего хочет, почему и чего ради хочет, — или действует механически? Но тогда он автомат, и, как автомат, ниже человека. А если не так — то, следовательно, логос, как превосходящее человека начало, есть самосознающая сущность. Можно пойти дальше: способен ли логос любить? Если не способен, то он ниже человека. Живой ли он? Является ли он источником красоты? Но как могла бы мертвость сиять красотой и озарять жизнь людей?

Не путем силлогизмов и не путем интуитивных догадок пришло высшее понимание. Сама живая и животворящая истина торжественно и радостно открылась человечеству:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:1-4,9-14).

Китайская Библия переводит: «В начале было Дао». Дао — Путь, как и Христос о себе открывает: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

Дао, как оно раскрыто в трактате Лао-цзы, — величайшее понятие-прозрение китайского языка, провещающее приход Того, Кто истинно есть путь. Можно ли умалять дао? Но только богооткровенная вера утвердила его во всем величии. Утвердила так, как всякое сбывание пророчеств утверждают силу самого пророчества. Дао как предчувствие Христа — не «оно», безликое, не способное осознать себя. Это трепетное «Неизведенное» Лао-цзы, «не находя лучшего имени», называет Дао, Путь. А еще — «вратами, которые открывают тайну». И Христос говорит: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:9).

Став христианами, греки в полной мере осознали невероятное величие мудрости своего языка и философии, величие Гераклита, Платона и других своих философов. Такое преобразование сознания ожидает современных китайцев. Ныне они больше привержены земной этике конфуцианства, поддерживаемой сейчас Компартией. Но со стремительностью принимается христианская вера, число ее приверженцев достигает 80-100 миллионов человек. Как же удивятся китайцы, узрев глубину того, что писал Лао-цзы в "Книге Пути и благодати" (Даодэцзин)! Удивятся его мысли о Троице, причине тварного мира. Как они удивятся, узнав, что и само их древнейшее иероглифическое письмо содержит в себе откровения Библии, книги, написанной на Небесах! Иероглиф, обозначающий Дух, содержит в себе указание на Троицу! И все это задолго до Моисея! Есть в иероглифике пророчества и новозаветные. Например, иероглиф, выражающий понятие «судить», имеет в себе ключи «Агнец» и «слово» («Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин. 12:48).

Святой равноапостольный Николай Японский (Касаткин) смело сравнивал роль духовно-чистого японского языка для японцев с ролью Ветхого Завета для древних евреев.

Так и в музыке. Мы уже показали выше, как христианская традиция чудесно преобразила восприятие незамысловатой эллинистической песенки. И впоследствии она преобразовала народную музыку принимавших христианство народов. Достаточно напомнить о чудесности русской протяжной песни, сестре знаменного распева, родившейся на вершине бытия русского народа. Но и языческая древность была преобразована. Строители языческого Новгорода замуровали в стену детей в строительную жертву богам. Совсем по-другому зазвучали языческие напевы в христианскую эпоху.

Опять же можно проделать мысленный эксперимент. В советскую эпоху идеология обязывала писать музыку на народные темы. Подавляющая часть этой продукции канула в Лету, пропала бесследно. Почему? Не может тусклость богоборчества и неверия возвысить напевы к Небу. Может только опешлять и умерщвлять. Но каким восторгом и любовью

проникнуты древние темы в музыке XIX века! Н.А.Римский-Корсаков хотел, чтобы свет струился из самой оркестровки. Восторгающий к радости свет пронизал и все другие стороны его музыки. Интереснейший опыт предпринял Бетховен, написав фортепианные вариации на «Камаринскую». Сочинение, удивительное по своей светоносности. Если Глинка нашел родство плясового напева с сосредоточенно-вдумчивой и глубокой свадебной песнью, то Бетховен услышал в напеве праздничную гимничность в гаммообразном нисхождении опорных тонов мелодии и раскрыл эту молитвенно-приподнимающую силу гимничности во множестве ракурсов.

Опираясь на описанную онтологическую предпосылку тактичности, мы и можем строить изложение. Не нужно здесь никаких восхвалений, ни напыщенности, ни фанатичной горячности — только строгая объективность. Сама музыка, сама истина и красота должна говорить, а не мы.

Как это осуществить практически?

Я начинаю свой курс анализа с высшей цели музыки, ее миссии, призвания, энтелехии (последней цели музыки, вложенной в нее как ее сущность). Бетховен писал: «Музыка есть откровение, более высокое, чем философия». Рахманинов говорил о чувстве миссии, без которого музыкант не может выйти на сцену, и это вдохновенное чувство посланничества так радовало публику, что она не могла отпустить гениального исполнителя и композитора.

Я говорю студентам: вы же ведь ясно чувствуете это высшее содержание прекрасной музыки и всякой ее интонации? Прежде всякого конкретного содержания музыки исполнитель стремится передать этот основной нерв содержания — чувство подъема и одухотворения души. Мы говорим о восторге, восхищении, вдохновении. В надежде на чудо осветления души слушатели идут на концерты классической музыки.

Каков же источник святого воскрыления души? В Китайской традиции это Небо. Каждый китаец знает, что все прекрасное, доброе, справедливое, истинное исходит с неба. В цивилизациях, рожденных монотеистической верой (говорю я, обращаясь к турку), этот источник видят в Боге. Свою красоту Он положил в закон мироздания, чтобы люди, видя во всем отражение свойств Творца, радовались бы духом. В христианском понимании красота есть явление славы Божией в мире и искусстве. Соответственно и Бах диктует ученику определение: «Последняя цель музыки — служение славе Божией и освежение духа».

Подобным образом излагаются и все иные проявления музыки и стороны ее организации.

Что в таком изложении может оскорбить религиозное чувство представителей иных культур? Ничего.

Но в то же время здесь нет никакого противоречия с истиной, нет никакого лживого дьявольского экуменизма, утверждающего равенство всех религий. Мы, хотя и уверены в их неравенстве, поступаем корректно: не насилуем (как и Бог не насилует) богозданную свободу человека. Мы не уговариваем его, не давим на него. Мы излагаем факты и только факты. А они сами расставляют все по своим местам. Человек остается свободным пред лицом Истины — и принимает ее или не принимает по состоянию своего сердца, а не в соответствии с нашим давлением. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). В Истине свобода и потому ее свойство — не давить, а приоткрывать себя, дабы человек имел возможность своим, а не чужим сердцем принять в себя ее красоту, любовь и милосердие.

Таким образом, тактичность в преподавании — вовсе не фальшь со стороны педагога-христианина. Это не подлаживание и не предательство истины. Так педагог призван поступать по примеру Самого Христа. Ни в единую минуту Своей жизни не прибегает Он к насилию. Когда жители селения не приняли Его и ученики спросили: «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» (Лк. 9:54), Он остановил их: «не знаете, какого вы духа».

Уважение к свободе человека в презумпции его способности узнать истину — свойство православной цивилизации, как она доказала это всем своим историческим бытием. Само наличие на карте России многих сотен племен и народностей, численностью и до десятков человек, — наглядная демонстрация не просто холодной терпимости, но горячего интереса к самобытности национальных и этнических общностей. По слову И.Ильина, сколько народов Россия приняла, столько и сохранила в невредимости под своим покровом — с их языками, обычаями и верованиями. Факт удивительный! Ведь на Западе тоже были сотни народностей, а сейчас их нет.

Надо ясно видеть различие между толерантностью истинной, основанной на любви и уважении, и толерантностью лицемерной, продавливающей фальшивые ценности содомского либерализма. Первая воссвобождает душу к свету истины. Вторая в ступе кромешной тьмы толчет людские массы, превращая их в жидкую смесь всех верований, — и так готовит растертое и измельченное человечество к рабскому подчинению тотальному владычеству центров финансового могущества. Насколько же лучше, прекраснее свободное цветение культур в их устремленности к высшим целям бытия, нежели унылая унификация на основании культа наживы и животной распущенности!